

Ханна покидает гостиную и обходит поместье в поисках Клариссы. Она находит юную Уэйверли в столовой.

— Ханна! Нам так не хватало вас за завтраком. Как спалось? — со счастливой улыбкой спрашивает Кларисса.

— Неплохо. Я вчера ужасно устала, — Ханна подходит ближе и бросает любопытный взгляд на раскрытый перед девушкой журнал. — Над чем работаешь?

— Ох, это?! Это... ничего такого...

Кларисса торопливо закрывает журнал.

— Ну же, ты можешь рассказать мне. Ты пишешь рассказ?

Ханна отодвигает стул и садится рядом. От этого Кларисса краснеет и неосознанно отодвигает свой журнал, но все же отвечает:

— На самом деле поэму. Это... это для мальчика. Его имя Эдмунд, — рассказывает девушка, не чувствуя стеснения и уже не пытаясь спрятать от Ханны свои записи. — Он работает в небольшом магазине в городе.

— Понятно...

Ханна выглядит растерянной, она не ожидала такого искреннего ответа.

— У вас есть какой-нибудь совет... Ну, знаете... чтобы он обратил на меня внимание?

Ну вот, не говорить же ей, что я совсем не разбираюсь в таких делах... Нужно что-нибудь придумать. Это отличный шанс заполучить ее ключ.

— Я не эксперт в любовных делах, но немного знаю...

— О, правда? — в глазах девушки сияет надежда.

— Ладно... Знаешь, есть один парень... Его зовут Виктор...

— Он вам нравится?

Только как друг.

— Я... я думаю, что... еще не подвернулось подходящего момента... Ты понимаешь, о чем я?

— Нисколько! — Кларисса взмахивает руками и придвигается ближе. — Ханна, жизнь так коротка... Зачем тратить ее на размышления о том, что могло бы быть?

— Говори за себя, — на лице Ханны появляется улыбка. Кларисса тоже улыбается.

— Эй, по крайней мере, я пытаюсь... Я раздумывала о том, чтобы послать Эдмунду свою поэму, рассказать в ней, что чувствую. Я знаю, это немного смело, но я так люблю писать стихи...

— В таком случае, я думаю, это крутая идея. Ну и что у тебя уже есть?

— Ну... с этим проблемы... — в голосе девушки слышатся печальные нотки. — я просто не могу вложить все свои чувства в слова. Все, что получается, звучит глупо и по-детски!

— Может, тебе стоит написать о том, что ты чувствуешь, когда видишь его? — предлагает Ханна, вспоминая пору своей школьной влюбленности.

— Хорошо... Я очень нервничаю, и биение моего сердца ускоряется... И становится так трудно произносить даже самые простые слова. Словно... словно он украл мой голос, или что-то в этом роде.

— Это звучит как хорошее начало.

— Вы правы! — восклицает Кларисса, поймавшая вдохновение. — Как насчет... Вы стоите за витриной, но превзошли всех в воровстве, ведь кто украдкой похитил голос мой, я знаю точно...

— Мне нравится! Продолжай.

— Не в силах слов сказать, оставлю их чернильным следом на письме... Какая хорошая рифма к слову «точно»?

— Хм... Дай-ка подумать... — Ханна прикрывает глаза и растирает виски указательными пальцами, напрягая память и воображение. Вскоре на ум приходит что-то более-менее подходящее. — Я не хотела говорить... Во снах являетесь ко мне вы каждой ночью.

— А это не слишком? — на лице Клариссы вспыхивает румянец.

— Лучше немного пересолить, чем совсем не посолить, верно?

— Если вы так говорите... Давайте подберем рифму для последнего четверостишья. Как насчет... Когда земля холодеет из-за сгоревшего солнца, а цветы клонят душистые головы вниз, я думаю о том, что с языка никогда не сорвется...

Кларисса постукивает ручкой по листу бумаги, пытаясь подобрать рифму.

— Я думаю о том, что с языка никогда не сорвется. И надеюсь, вы простите мне мой поэтический каприз, — подсказывает Ханна.

— Это прекрасно! Вы в этом очень хороши, Ханна.

— Едва ли. Ты здесь поэтесса, а я просто помогаю. Давай глянем, что у нас получилось. Прочитай мне все с начала.

Кларисса берет в руки журнал. Она держит его перед собой, прочищает горло и начинает читать:

«Вы стоите за витриной, но превзошли всех в воровстве,

Ведь кто украдкой похитил голос мой, я знаю точно...

Не в силах слов сказать, оставлю их чернильным следом на письме,

Я не хотела говорить... Во снах являетесь ко мне вы каждой ночью.

Когда земля холодеет из-за сгоревшего солнца,

А цветы клонят душистые головы вниз,

Я думаю о том, что с языка никогда не сорвется...

И надеюсь, вы простите мне мой поэтический каприз».

— Так, что дальше?

— Я либо отправлю письмо, либо разнервничаюсь и брошу его в огонь!

— Конечно, есть и золотая середина, — несколько встревоженно замечает Ханна. Кто знает этих англичанок, может, и правда сожжет такие прекрасные стихи. — Думаю, стоит отправить письмо Эдмунду.

— Ханна, я не уверена... Так внезапно! Это звучит совершенно безумно!

— Разве ты не хочешь, чтобы он узнал о твоих чувствах?

— Возможно... Но я боюсь...

— Ничего страшного в этом нет, — заверяет ее Ханна. — Хочешь, я положу письмо в почтовый ящик?

— Нет, все в порядке... — с дрожью в голосе отвечает Кларисса. — Я сделаю это сама. Когда-нибудь... Хотя, если подумать, прошла вечность с тех пор, как я видела нашего почтальона.

Кларисса хмурится, ее взгляд становится отсутствующим. До Ханны вдруг доходит, что она почти нарушила одно из правил Элеанор. Если Кларисса продолжит вспоминать, когда последний раз приходил почтальон, то наверняка что-то заподозрит.

— Ну, я уверена, что так просто кажется... Тебе не о чем беспокоиться.

— Да, так и есть.

Кларисса качает головой, и ее обычная улыбка возвращается.

— Спасибо за помощь, Ханна. Жаль, что у меня нет способа отплатить вам...

Вот оно!

— Ну, ты могла бы, вообще-то... — Ханна не знает, как спросить про заветный ключ. С Саймоном было как-то проще. — У тебя ведь тоже есть ключ?

— Ты знаешь о нем? — искренне удивляется девушка.

— Ага. И я хотела спросить... могу ли я одолжить твой? На день или два...

Кларисса поджимает губы и смотрит на девушку с грустью:

— Я хочу сказать «да», правда, но...

— Элеанор сказала тебе не расставаться с ключом?

— Да... При чем очень выразительно.

Ханна вздыхает. Что и требовалось доказать. За той дверью явно что-то интересное. Иначе зачем это так прятать? Но я доберусь до ваших тайн. Отступать она точно не собирается.

— Мы ведь друзья, не так ли? А друзья помогают друг другу. И сейчас... я прошу тебя о помощи.

— Мы друзья, но...

Кларисса все еще сомневается.

— Но что?

— Ничего, — уверенно говорит девушка. — Я не знаю, что вы задумали, но я помогу вам.

Кларисса достает из кармана платья старинный ключ и протягивает его через стол. Ханна берет ключ, отмечая, что он точь в точь такой же, как и ключ Саймона, только на головке вместо буквы «С» буква «К».

— Спасибо, Кларисса.

— Послушайте, если вы собираетесь убедить Томаса отдать вам ключ, то я должна предупредить вас... — голос девушки становится тише, — он совсем не щедрый человек. И он, конечно же, не разделяет моего высокого мнения о вас.

— Оу, ладно... Может быть, я смогу изменить его мнение...

— Очень забавно, Ханна, — Кларисса по-доброму смеется. От этого Ханне становится не по себе. И ведь Томас не самая серьезная преграда на пути к загадочной двери.

Ханна раскрывает ладонь и еще раз смотрит на свою добычу. Как раз в этот момент в столовую входит Элеанор. Ханна быстро убирает ключ в задний карман джинсов.

— Ох... Здравствуй, Элеанор! — здоровается Кларисса, обеспокоенно косясь на Ханну.

Элеанор с подозрением смотрит на сестру.

— Кое-кто выглядит виноватым. Чем таким вы вдвоем занимались?

— Мы... мы просто... — Ханна начинает паниковать. Кажется, что металлический ключ вот-вот прожжет дыру в джинсах и с громким лязгом упадет на пол, — писали поэму!

Ханна не уверена, что способна произнести еще хоть слово. Ей становится по-настоящему страшно. Что, если Элеанор все поймет? Что тогда будет? Но к счастью, Кларисса подхватывает и с улыбкой произносит:

— Ханна очень сильно помогла мне!

— Это просто чудесно! Ханна, я не знала, что вы поэт, — Элеанор с улыбкой смотрит на свою гостью. От ее пристального взгляда Ханну бросает в дрожь, но она быстро берет себя в руки.

— На самом деле, я тоже...

— Ну, полагаю, у каждого есть скрытые таланты. Ханна, не могли бы вы пройтись со мной? Это не займет много времени.

— Конечно.

Внутри все сжимается, а сердце бьется сильнее. Но Ханна все равно следует за Элеанор в фойе, где они останавливаются перед входной дверью.

— Ханна... — начинает Элеанор, — что касается сегодняшнего утра... Прошу прощения, что так быстро убежала. Я просто... Я не ожидала, что появится срочное дело, вот и все.

— Не извиняйся! Я единственная, кто должна извиняться... Я не хотела ставить тебя в неловкое положение.

Элеанор смотрит на девушку, и легкая улыбка трогает ее тонкие губы.

— Вы не ставили меня в неловкое положение.

Прежде чем Ханна успевает возразить, Элеанор распахивает двери особняка и легкой походкой ступает в зимний пейзаж. Ханна спешит за ней, не желая отставать.

— Куда мы идем?

— Никуда конкретно. Я просто хотела прогуляться по территории и думала, что вы захотите составить мне компанию. Неужели я ошиблась?

— Нет, — Ханна улыбается.

Они идут вниз по парадным ступеням Косой усадьбы, снежинки кружат в воздухе и мягко опускаются на промерзшую землю.

— Вау, здесь так красиво!

Ханна вертит головой, рассматривая заснеженные деревья, окружающие усадьбу. Элеанор смотрит на небо и кивает. Одинокая снежинка приземляется в ее волосы и остается там, не тая.

— Ханна... — нарушает тишину девушка, — я бы хотела, чтобы мы узнали друг друга получше. Мой отец всегда говорил, что никакая дружба не может быть настоящей, пока вы не поделитесь своими секретами друг с другом. Возможно, нам стоит прислушаться к его совету. Как вы считаете?

— Я думаю... — Ханна внимательно смотрит на свою собеседницу. Это заманчивое предложение, но в ответ придется раскрывать собственные тайны и мотивы. А к этому девушка пока не готова. — Сейчас не самое подходящее время для меня. Прости...

— Ох, — огорченно вздохнув, Элеанор вскидывает руки перед собой, как бы извиняясь за свою бестактность, — Как скажете... Я бы не хотела ставить вас в неловкое положение.

— Элеанор, все в порядке, правда. Просто сейчас я не готова говорить с кем-то о некоторых вещах.

— Я вас понимаю. Давайте продолжим наш путь, — Элеанор указывает рукой на узкую протоптанную в снегу тропинку. — В той стороне находится кое-что, что мне хотелось бы вам показать...

Ханна следует за девушкой по пятам. Они пересекают участок, принадлежащий Косой усадьбе, и проходят под навесом из скрюченных сухих веток.

— Куда мы идем? — еще раз спрашивает Ханна, чувствуя, как по спине бегут мурашки. В этом незнакомом месте ей становится неудобно и даже страшно. Если бы она была героиней

дешевого ужастика, то сейчас Элеанор обернулась бы мстительным духом и растерзала ее за все грехи...

— Скоро сами все увидите. Это место совсем рядом.

Через несколько минут они входят на кладбище, расположившееся на краю леса. Ханна слышит какое-то копошение и задирает голову. На голой ветке сидит большой черный ворон и смотрит на нее сверху-вниз.

— Элеанор, что это за место? — встревоженно спрашивает девушка. Ощущение тревоги еще не покидает ее.

— Это семейное кладбище Уэйверли. Я и мои родные похоронены здесь, — как ни в чем не бывало отвечает Элеанор.

— Но... почему мы здесь?

Неужели мне конец? Элеанор узнала о всех моих делишках и сейчас...

— Я прихожу сюда иногда, чтобы побыть в одиночестве. В этом месте есть что-то странно-успокаивающее, — Элеанор совсем не выглядит угрожающей, скорее расстроенной. — Полагаю, это горько-сладко знать, что твои близкие и ты сама глубоко под землей, где никто не причинит вам никакого вреда. Я знаю... это странно, но это успокаивает меня.

— Хм, не думаю, что понимаю, — честно сознается Ханна. Для нее это кажется даже диким. Ведь Джонатан в могиле, но от этого Ханне не легче. Лучше бы он был жив и доставал ее своим нытьем. — То, что случилось с тобой, было так ужасно. Зачем тебе каждый раз напоминать себе об этом?

— Не нужно меня жалеть... Пожалуйста, не стоит... Я этого не вынесу. Я просто хотела поделиться этим местом с вами.

Они медленно идут по маленькому кладбищу. Ханна всматривается в каждое попадающееся по пути надгробие и читает, кто под ним похоронен.

— Разве дети никогда не приходят сюда? Как они могут не знать, что... что они мертвы, когда их собственные могилы у них под боком?

— Я запретила им заходить слишком далеко за пределы усадьбы.

— И они послушались? — искренне удивляется Ханна. Скажи ей родители куда-то не ходить, и она бы понеслась туда, сломя голову.

— По большей части. Однажды я поймала Саймона возле пруда. Он ловил стрекоз. Но в остальном они очень послушные дети. Если кто-то из них найдет это место... Я не уверена, как тогда поступлю.

Они проследовали к двум надгробиям, стоявшим совсем близко. На одном было мужское имя «Вильям», а на другом — женское «Роза».

— Это твои родители? Год смерти твоего отца отличается. Разница в пять лет...

— Да... — голос Элеанор звучит тоскливо, — он был тем, кто нашел нас. И это сломало его. Он уехал в Нортбридж и в конце концов напился до смерти. Его тело привезли сюда и похоронили вместе с семьей.

— Оу, Элеанор, я сожалею...

— Все нормально. Он был прекрасным отцом, когда я была еще жива. Я всегда буду хранить воспоминания о нем.

— А твоя мать?

Выражение на лице Элеанор внезапно холодеет, она резко разворачивается и идет прочь, а ее длинная толстая коса качается из стороны в сторону.

— Не утруждайте себя, оплакивая ее, — бросает девушка, даже не оборачиваясь. От этого ледяного голоса по спине Ханны бегут мурашки. — Ее могила пуста.

— Что?!

Элеанор скрывается в лесу, оставляя Ханну одну посреди кладбища.

— Эй, подожди!

Если мама Элеанор умерла в один с день со своими детьми, тогда где ее тело? И где ее призрак сейчас?

Поэма Клариссы в прозе, дословный перевод:

Вы работаете в магазине, но вы вор, потому что украли мой голос. Слова не приходят, и потому я пишу... Я знаю, что буду думать о вас этой ночью.

Когда солнце сгорает, и земля становится холодной, а все цветы увядают, я буду думать о вещах, которые оставила невысказанными, и всех словах, которые когда-либо умолчала.

<http://tl.rulate.ru/book/35689/774375>